

К. А. Горшкова, Н. Г. Шевченко

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕСУППОЗИЦИИ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США**

Текст представляет собой многослойную иерархически организованную структуру, в которой представлены две основные составляющие — глубинная структура и поверхностная структура.

Глубинная структура есть имплицитное образование, коррелирующее с концептом текста или с точкой зрения автора на описываемое событие. Поверхностная структура представлена в тексте всеми без исключения эксплицитными композиционными и лингвистическими средствами, материализующими глубинную структуру текста.

Декодирование глубинной структуры текста читателем предполагает выявление им корреляции между компонентами поверхностной структуры текста, с одной стороны, и установление корреляции между последними и фоновыми знаниями читателя, с другой.

Термин "фоновые знания" чаще всего отождествляется с термином "пресуппозиция", введенным в научный обиход немецким ученым Г. Фреге в 1892 году. В лингвистике пресуппозиция рассматривается как "имплицитная составляющая смысла высказывания или текста, которая является истинной и непротиворечивой, предшествует их вербальному плану и способствует их успешному восприятию и пониманию" [7: 491].

Вопросы, связанные с пресуппозицией, были вынесены на обсуждение лингвистического сообщества в 70-е годы XX века Н. Д. Ару-

тновой [2], Ван Дейком [3], М. П. Майеновой [6]. В 1980-е годы она активно обсуждалась К. А. Долининым [5], З. Я. Тураевой [8], И. В. Гюббенет [4], которые понимают пресуппозицию как "предварительное знание" [8: 85], "предусловие" [5: 39], "знание реалий", т. е. "как знание о государственном устройстве данной страны, об истории и культуре данного народа, о языковых контактах носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке" (Ахманова). З. Я. Тураева полагает, что пресуппозицию следует понимать не только в широком смысле как знание реалий, но и в более узком смысле: "пресуппозиция — это способ семантического анализа текста, раскрывающий различного рода связи, основывающиеся на прогнозировании семантики слов, словосочетаний, сверхфразовых единиц и т. д." [8: 85].

Понятие "пресуппозиция" / "фоновое знание" коррелирует с понятием "вертикальный контекст", который предполагает "включенность" в конкретный текст. Разграничивая термины "пресуппозиция" и "вертикальный контекст", И. В. Гюббенет пишет: "Фоновое знание — это совокупность сведений, которыми располагает каждый, как тот, кто создает текст, так и тот, для кого текст создается; вертикальный контекст — это принадлежность единицы текста. Любая единица текста, наглядно представляющаяся нам во всем разнообразии своих так называемых горизонтальных контекстов, может иметь еще и своеобразный вертикальный контекст, который непосредственно нашим чувствам недоступен" [4: 7]. Таким образом, вертикальный контекст представляет собой смысловую единицу текста, имеющую как вербальное (слово), так и невербальное (композиция текста) выражение.

Наличие у адресата пресуппозиции/фонового знания является необходимым условием для успешного декодирования глубинного смысла текста, что возможно лишь при внимательном изучении как горизонтального контекста, относящегося к поверхностной структуре текста, так и вертикальных контекстов, репрезентированных единицами этого горизонтального контекста. Вертикальный контекст предполагает трансконцептные отношения между двумя (и более) текстами, т. е. интертекстуальность, что актуализируется разными видами аллюзии: композиционной, лексической, синтаксической.

Проблема реализации таких трансконцептуальных связей актуальна для текстов всех функциональных стилей: научного, публици-

стического, художественного и т. д. Наличие пресуппозиции является непреложным условием декодирования научного текста. Основным средством ее реализации здесь является цитирование и ссылочный аппарат.

Объектом нашего внимания является политический дискурс, понимаемый как совокупность речевых актов в политических документах, дискуссиях и других формах публичной политики. К устной форме политического дискурса относятся публичные выступления политиков, к письменной — различные документы: договоры, манифесты, декларации и т. д. [9: 4—5].

Политический дискурс более демократичен в выборе средств репрезентации пресуппозиции в силу того, что функции информативности, убеждения и побуждения к действию, реализуемые таким текстом, требуют разнообразных экспрессивных средств воздействия на адресата. Главными маркерами пресуппозиции в политическом дискурсе США являются различные типы аллюзии — композиционные и вербальные. Это, как правило, косвенные ссылки на реальные исторические события, такие как: зарождение новой нации, подписание "Декларации о независимости" (1776 г.), "Манифест об освобождении рабов" (1863 г.); на выдающихся политических и государственных деятелей; на известные литературные источники и т. п. Аллюзия композиционная (подкрепленная лексически) представлена в таких текстах подчеркнуто актуализированной организацией абзацев.

Так, в сильной позиции Декларации независимости США, принятой 4 июля 1776 г., и Геттисбергского обращения президента США Авраама Линкольна, произнесенного 19 ноября 1863 г. по поводу открытия мемориального кладбища в память о погибших во время Гражданской войны 1861—1865 гг., присутствует фраза "...all men are created equal". Она организует мощную "дугу стяжения" между двумя текстами, подчеркивая основополагающий принцип нации, сложившейся в период ее формирования и поставленный под угрозу в период Гражданской войны. Композиционная (сильная позиция) и лексическая аллюзия (лексический повтор) вместе эксплицируют вертикальный контекст, который сводится к призыву А. Линкольна сохранить главное достояние нации — единство страны и равенство ее граждан.

Подобная переключка наблюдается в упомянутом тексте речи А. Линкольна — обращении к американской нации, которая начинается с фразы, содержащей архаичное существительное *score*: "Four

score and seven years ago our fathers have brought forth on this continent a new nation, conceived in liberty and dedicated to the proposition that all men are created equal" и в обращении к нации другого великого американца — проповедника Мартина Лютера Kinga, борца за свободу и равенство темнокожего и белого населения США. Через 100 лет его обращение начиналось словами: Five score years ago., которые фактически повторяли начало речи А. Линкольна. Оба оратора говорили об одном и том же — об идеях равенства и свободы, поправных в разные периоды жизни США. Оба поместили слова *...score years ago* в сильную позицию, что реализует интертекстуальную связь между этими текстами.

Аналогичным образом в Декларации независимости США, одном из основополагающих политических документов страны, и Декларации американского суфражистского движения, автором которой является Э. К. Стэнтон, прослеживается параллелизм в структурировании абзацев. 18 из них в Декларации независимости начинаются с местоимения *He*, служащего уничижительным обозначением короля Великобритании Георга IV, которому жители английских колоний в Америке предъявляют претензии в ответ на притеснения. 12 абзацев Декларации Стэнтон также начинаются с местоимения *He*, которым обозначен мужчина/*тан* — объект, против которого направлено суфражистское движение в США середины 19-го века. Такая перекличка в композиционном оформлении двух текстов представляет собой композиционную аллюзию, а использование одной и той же синсе-мантической лексемы *He*, несмотря на ее различное семантическое наполнение, актуализирует одинаковую для обоих текстов сему угнетения, являющуюся лейтмотивом для обоих текстов.

Политический дискурс США дает многочисленные примеры композиционной и лексической аллюзии — идеологической переклички в текстах государственных деятелей страны, подчеркивающей преемственность их гражданской позиции, приверженность великой идее справедливости, равенства, единства страны. Такая перекличка прослеживается в речах А. Линкольна и Дж. Кеннеди. Сравним фразу из речи А. Линкольна, произнесенной в 1858 году: A house *divided* against itself cannot stand и другую, приписываемую ему и ставшую девизом его родного штата Кентукки: "*Umted* we stand, *divided* we fall", с фразой из инаугурационной речи Дж. Кеннеди, произнесенной в 1961 году: *Umted*, there is little we cannot do ... *Divided*, there is little we can do. То же наблюдаем во фразах из инаугурационной речи Лин-

кольна, произнесенной в 1861 году: *In your hands*, my dissatisfied **fellow-countrymen**; and not in mine, is the momentous issue of the civil war и из инаугурационной речи Кеннеди: *In your hands, my fellow citizens, more than mine*, will rest the final success or failure of our course.

Многочратно повторенная в речи Кеннеди лексема **pledge**: This much we *pledge*; ...we *pledge* our word; ...we *pledge* our best efforts; ... we offer a special *pledge* является аллюзией на финальную фразу текста Декларации независимости:

"We mutually *pledge* to each other our lives, our fortunes, and our sacred honor".

В инаугурационной речи Дж. Кеннеди присутствует цитата из известного лимерика:

Those who foolishly sought power by riding the back of the tiger ended up inside. В лимерике речь идет о прекрасной девушке, решившей покататься на спине тигра, который съел наездницу: There was a young lady of Niger, who smiled as she rode on a tiger, they returned from the ride with a lady inside, and the smile on the face of the tiger. Цитата-аллюзия актуализирует основную мысль фрагмента речи президента, в которой он предупреждает освободившиеся колониальные страны об опасностях, подстерегающих их, если они не присоединятся к свободному миру, к которому он относит США. В тексте речи, содержащей преимущественно политическую терминологию, цитата легко вычленяется из горизонтального контекста как за счет своей функционально-стилистической инородности, так и за счет узнаваемости англоязычным адресатом текста лимерика, смысл которого в речи Кеннеди репрезентирован лишь одной строчкой. Происходит компрессия смысла цитируемого текста / прототекста и его экстраполяция на новую ситуативную реальность в новом тексте. Наблюдается асимметричность описываемых ситуаций, что лишь усиливает смысловые параллели.

Аллюзии-цитаты в политическом дискурсе делают текст более образным, вызывают у адресата, обладающего фоновым знанием, ассоциации, которые способствуют мгновенному узнаванию и пониманию смысла цитаты. Этот прием широко используется в политическом дискурсе США, подчеркивая приверженность политических и государственных деятелей страны идеям, заложенным праотцами нации в тексте Декларации независимости в 1776 г. и тем самым способствуя реализации не только пространственно-временного, но и идеологического континуума текста.

Для понимания аллюзии интерпретатором требуются соответствующие фоновые знания, поскольку выраженная посредством аллюзии мысль составляет часть общей базы знаний носителей языка, которая вызывает у них комплекс ассоциаций, хранящихся в памяти. При этом суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе получателя/адресата таких моделей мира, которые соотносятся с моделями мира отправителя/адресанта [1: 17].

Наличие интерсемиотических связей в рассмотренных текстах за счет включения в них равноуровневых элементов других текстов (разных видов аллюзии) является выражением идеологической позиции политического или государственного деятеля. Такие тексты концептуально интегративны. Их множественные связи с другими текстами реализуют категорию интертекстуальности.

Литература

1. Анненкова Ю. Ю. Когнитивный статус аллюзии в политическом узусе ФРГ//Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Часть 1. — Тамбов, 2000. С. 17—21.
2. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. — 1973. — Т. 32. Вып. 1. — С. 84—89.
3. Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII. — М., 1978.
4. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. — Изд-во Московского ун-та, 1991.
5. Долинин К. А. Интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1985. — 282 с.
6. Майенова М. П. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII. — М., 1978. — С. 420—432.
7. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: Термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля-К., 2006. — 716 с.
8. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М.: Просвещение, 1986. — 126 с.